

тийных, государственных и хозяйственных организациях региона. Кроме того, привлечение крымских татар в низовые властные структуры (милиция, суды), положило начало процессу «коренизации» в Крыму, являясь важной его составной частью.

В то же время, ориентация на массовое обучение населения с помощью различных курсов, не давало квалифицированного образования и было, фактически, полумерой, вызванной к жизни, с одной стороны, сложностями в развитии специального образования, с другой, быстро изменяющимися политическими, экономическими и культурными условиями жизни в стране. На деле, призванные повысить квалификационный уровень, или же дать элементарные азы образования в той или иной сфере курсы, на деле превратились в регулярно действующую систему «затыкания дыр» с помощью малообразованных и низко квалифицированных работников.

Источники и литература

1. Государственный Архив Автономной Республики Крым (далее ГААРК), ф-1, оп-1, д.358.
2. Там же, ф.1, оп.1, д.287
3. Там же, Р-20, оп.10, д.261
4. Там же, ф.1, оп.1, д.418
5. Там же, ф.1, оп.1, д.1397
6. Хроника // Пути коммунистического просвещения. №5(15).
7. ГААРК, ф.1, оп.1, д.962а
8. Там же, ф.1, оп.1, д.1143
9. Там же, Р-20, оп.8, д.7
10. ЦГА РФ, ф.296, оп.1, д.430
11. Мухитдинов. Итоги и перспективы национальной политики Крымнаркомпроса // Коммунистический вестник. №4-5. Июнь-июль 1923 г.
12. ГААРК, Р-1605, оп.1, д.25
13. Там же, П-1, оп.1, д.1397
14. Татарские педагогические курсы. Красный Крым. 18.05.27 г. №11(1932). С.3.
15. В. На юридических курсах. Красный Крым. 1.02.27 г. №26.

Лохматова А.И.

СЕЛЬСКАЯ ПОЛИЦИЯ В СИСТЕМЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Обеспечение правопорядка, защита безопасности сельского общества и крестьян, как его членов, как граждан государства, было функцией не только государства и его полицейских чинов, но и органов крестьянского самоуправления. Именно необходимость противодействия насилию и преступности, нарушениям правопорядка в различных их проявлениях, обуславливала тесное взаимодействие полицейских чинов с представителями крестьянского самоуправления в лице сотских и десятских. Последние годы отмечены значительным интересом исследователей к истории крестьянского мира [1]. Однако, освещая различные аспекты жизнедеятельности крестьянской общины, исследователи обошли вниманием такой институт как сельская полиция. Что представляла собой сельская полиция? Каково было участие органов сельского самоуправления в организации ее деятельности? Следует сказать, что еще с незапамятных времен для «надзора за благочинием» в селениях, посадах и местечках определялись десятские, сотские. Словарь В.Даля дает следующее толкование этих понятий: десятский – это «полицейский служитель, по наряду от обывателей; сторож от десятого дома, от десятка, десяти; помощник старосты, выборного, нарядчик; род рассыльного при земской полиции, иногда подчиняемый сотскому» [2.-С.433]. Сотский трактуется им как род полицейского надзирателя, по выбору из крестьян [3.-С.282]. Непосредственным же начальником сотских и десятских был становой пристав, должность которого была учреждена согласно «Положения» 3 июня 1837 г., когда уезды были разделены на более мелкие территориальные единицы – станы. С тех пор в осуществлении своих полицейских функций становой пристав опирался на сельскую выборную полицию удельных и государственных крестьян – сотских и десятских и вотчинную полицию помещиков. В пореформенный период уезды сохранили подразделение на станы, остались и должности сотских и десятских у бывших удельных и государственных крестьян. Вместо вотчинной полиции помещиков общества бывших крепостных крестьян теперь также избирали свою полицию – сотских и десятских.

Анализ института крестьянской полиции целесообразно начать с документа, который содержит предписание Мелитопольского уездного исправника Веселянскому волостному правлению от 12 января 1870 г. Ссылаясь на статью 2516 II тома I части законов об учреждениях уездный исправник напоминал волостным властям, что «сотские и десятские обязаны строго смотреть за предупреждением всех преступлений и проступков и исполнять приказания станового пристава, и вообще, как местная полиция, оказывать содействие к выполнению всех законных требований от кого бы таковые не исходили. Для этого им обязаны пособлять сельские и волостные начальства. Для исполнения приказаний станового пристава и непосредственного надзора за благочинием находятся в селениях сотские и подведомственные им десятские» [4.-Д.190.-Л.1]. Первые имели в своем ведении от ста до двухсот дворов, а последние – от десяти до тридцати сельских обывательских дворов. Так, в циркулярном предписании волостным правлениям пристава 4 стана Мелитопольского уезда от 11 декабря 1887 г. указывалось, что на каждые 200 дворов должны быть выбраны один сотский и на каждые 10 или 20 дворов один десятский [4.-Д.473.-Л.26-27]. В действительности ситуации встречались самые разные. К примеру, Веселянское волостное правление этого же уезда 23 января 1870 г. писало приставу, что «в каждом обществе имеются по одному сотскому и на каждые 10 дворов по одному десятскому» [4.-Д.190.-Л.2]. А в Ялтинском уезде, как свидетельствует уездный исправник в своем рапорте (1870 г.) тавриче-

**СЕЛЬСКАЯ ПОЛИЦИЯ В СИСТЕМЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД**

скому губернатору, была явная нехватка кадров сотских и десятских. В его уезде в двух станах было 64 деревни и заштатный город Балаклава, в которых насчитывалось 3931 двор. «По расписанию, – пишет исправник, – полагая на 1 сотского 200 дворов, а на десятского 30 дворов, должно быть в обоих станах сотских 19, а десятских 131». Между тем, «всех нижних чинов» в Ялтинском уезде: «полицейских служителей 6 чел., рассыльных – 2 чел., пятисотских – 1, сотских – 14, десятских – 63. А всего 86 чел.» [5.-Л.25об.-26об.]. Очевидно, столь неблагоприятно обстояли дела во многих селениях. Так, в предписании мелитопольского уездного исправника от 12 января 1870 г. указывалось, что почти во всех местах в уезде не назначается указанное законом количество сотских и десятских на указанное число дворов. Поэтому исправник считал необходимым требовать от всех обществ назначения сотских и десятских «столько сколько придется по числу дворов непременно», а от волостных правлений потребовал «тотчас по получении сего предложить обществу назначить по наряду нужное число сотских и десятских для чего составить приговоры установленным порядком и представить куда следует на утверждение или нанять расторопных и честных людей из лиц не принадлежащих обществу по особому условию и тоже довести об этом установленным порядком кому следует сведения» [4.-Д.190.-Л.1-2]. Однако в первые пореформенные годы сельских полицейских явно не хватало.

В рассматриваемые период сотские и десятские были выборными должностями в сельском обществе. К найму посторонних лиц, как это советовал выше исправник, крестьяне практически не прибегали. Происходили выборы следующим образом. Собравшиеся на сельский сход крестьяне заслушивали предписание своего волостного начальства, которое, в свою очередь, ссылалось на предписание станového пристава, с приказанием избрать полицейских сотских и десятских. Как правило, выборы полицейских сотских и десятских предшествовали выбору других сельских должностных лиц и происходили в ноябре-декабре. Списки избранных сотских и десятских отправлялись станovому приставу, который из года в год неустанно напоминал волостным правлениям о незамедлительной присылке ему данных списков. «Списки сотских и десятских выбранных на 1888 г. немедленно донести мне вместе с приговорами сельских обществ» – писал, к примеру, пристав 11 декабря 1887 г. в предписании Веселянскому волостному правлению [4.-Д.473.- Л.26-27]. Далее списки отправлялись в уездное полицейское управление, которое и утверждало избранных в должности, о чем сообщал волостному старшине станového пристава. Так, 11 февраля 1886 г. пристав уведомил Веселянское волостное правление, что «избранные на сей год по Веселянской волости сотские и десятские утверждены полицейским управлением. О чем давая знать Вам поручаю немедленно привести всех к присяге и допустить к отправлению своих обязанностей, а присяжной лист представить мне» [4.-Д.472.-Л.9]. С годами форма сообщений пристава претерпевала некоторые изменения, в основном стилистического характера, суть же оставалась неизменной. Так, и 15 января 1895 г., т.е., 9 лет спустя, пристав информировал Веселянского волостного старшину о том, что «избранные сельскими сходами волости в должности полицейских сотских и десятских лица на текущий год постановлением уездного полицейского управления 8 января утверждены в должности. Давая знать об этом предписываю немедленно привести утвержденных лиц к присяге на верность службе. Допустить затем таковых к отправлению служебных обязанностей и присяжные листы представить мне немедленно» [4.-Д.595.-Л.74].

Нужно сказать, что к присяге относились с большой ответственностью и полицейские чины, и волостные и сельские должностные лица, и священники, и сами приводимые к присяге крестьяне. Так, на вышеприведенное предписание станového пристава, Царицынокутский сельский староста отвечал, что «привести к присяге чинов полиции священник находит возможным 28 сего января после Божественной литургии, поэтому покорнейше прошу выслать к означенному времени присяжные листы и форму списка имеющего быть составленным при приводе к присяге» [4.-Д.595.-Л.75]. В том случае, если кто-либо из избранных полицейских десятских или сотских не мог быть приведен к присяге в означенный для всех час, он приводился к присяге при первой же возможности. При этом как волостные власти, так и полиция держали ситуацию под строгим контролем. Так, 1 марта 1886 г. Хитровское сельское управление доносило Веселянскому волостному правлению о том, что десятские Филипп Вареник и Яков Лоцман не явились на принятие присяги, «каковых нет дома еще с 24 февраля каковые находятся на сроковых служениях» [4.-Д.472.-Л.15]. А когда Веселянскому волостному правлению не был прислан один из присяжных листов Царицынокутским сельским управлением, волостное правление не преминуло уже 1 февраля предписать сельскому старосте «немедленно привести к присяге на верность службе десятского Сергея Охрименко который к присяге 28 января 1895 г. не явился и об исполнении донести» [4.-Д.595.-Л.93].

Интересно, что форма присяжного листа практически не менялась на протяжении всего XIX века. Менялись лишь имена царей, которым присягали. В 1864 году присягали «Всемиловейшему Великому Государю императору Александру Николаевичу самодержцу Всероссийского престола...» [4.-Д.50.- Л.16], в 1886 г. – «Государю Императору Александру Александровичу и законному Его Императорского Величества Всероссийского престола наследнику Николаю Александровичу» [4.-Д.472.-Л.10], а в 1895 г. – «государю императору Николаю II Александровичу, самодержцу Всероссийскому, и законному Его Императорского Величества Всероссийского престола наследнику ... цесаревичу и Великому Князю Георгию Александровичу» [4.-Д.595.-Л.94]. Полученные от сельских управлений присяжные листы волостные правления тот час же отправляли станovому приставу. Так, 12 марта 1886 г. Веселянский старшина писал в рапорте станovому приставу: «Полицейские сотские и десятские избранные на 1886 г. к присяге на верность службы приведены о чем имею честь донести Вашему Высокоблагородию с предоставлением присяжного листа» [4.-Д.472.-Л.16].

Вопрос об избрании полицейских десятских и сотских обсуждался сельскими сходами ежегодно. К примеру, 17 декабря 1886 г. Царицынокутский сельский сход слушал предписание Веселянского волостного правления о выборах полицейских сотских и десятских. Сход приговорил избрать 2 сотских и необходимое количество десятских [6.-Д.3.-Л.48об.]. Аналогичный приговор сход составил и 4 декабря 1887 г. [6.-Д.3.-Л.72]. О том, кто должен и кто не должен быть избираем в сотские и десятские, напоминал волостным правле-

ниям пристав. 11 декабря 1887 г. им было разслано циркулярное предписание волостным правлениям, где указывалось, что виду приближающегося срока выборов сотских и десятских на будущий 1888 г., он считает необходимым напомнить волостным правлениям те требования, которые предъявлялись к кандидатам в низшие чины уездной полиции. Во-первых, в должности сотских и десятских не должны быть избираемы лица, которые отслужили на какой-либо должности три трехлетия; или, если в семействе, к которому принадлежал избираемый, кроме него, не было другого взрослого работника; или же, если избираемый имел от роду более 50 лет и подвергнут телесным недугам. Во-вторых, не должны быть избираемы в должности сотских и десятских лица, которые были телесно наказаны или оставлены в подозрении по приговорам общественных мест. В-третьих, лица, избираемые в должности сотских и десятских, должны быть не моложе 25 лет и не старше 50 лет, «хорошего поведения, небездомные рачительные к хозяйству»; избранными могли быть и «отставные известные своим хорошим поведением нижние воинские чины» [4.- Д.473.-Л.26-27].

Имеющиеся у нас списки полицейских сотских и десятских Царицынокутского общества за несколько лет позволяют сделать определенные выводы о том, кто из членов сельского общества избирался на вышеназванные должности. 9 декабря 1890 г. Царицынокутский сельский сход, согласно предписания пристава, избрал полицейских сотских и десятских на 1891 год. Всего в селе было два сотских. Список десятских состоял из 26 человек [6.-Д.4.- Л.67-67об.]. Отметим, что в количественном отношении списочный состав сотских и десятских оставался неизменным долгие годы. Но со временем, по мере увеличения численности населения в сельских обществах, увеличивалось и количество избираемых сотских и десятских. Так, на 1895 г. и последующие годы Царицынокутским сельским обществом избиралось уже 4 сотских и 30 десятских [6.-Д.7.-Л.128об.].

Список сотских и десятских, составленный 9 декабря 1890 года, интересен тем, что дает информацию о возрасте и грамотности десятских. Что касается возраста, то возрастные рамки десятских в данном случае были весьма значительными: от 21 до 51 года. Распределение внутри этих рамок было крайне неравномерным. Самой большой была возрастная группа от 21 до 30 лет – 13 человек. Это те крестьяне, которые либо еще не женились, либо же, успев жениться, еще не отделились от отцовского дома, т.е., не вели самостоятельного хозяйства. Данные о возрасте десятских (из 26 десятских 8 не достигли 25-летнего возраста, а возраст еще одного превысил 50-летний рубеж) свидетельствует о том, что сельские власти, случалось, нарушали циркулярное предписание от 11 декабря 1887 г., где четко указывалось, что «в должности сотских и десятских должны быть избираемы лица не моложе 25 лет и не старше 50 лет от роду». Нарушали и тогда, когда забывали, что в должности сотских и десятских не должны быть избираемы те лица, «если в семействе к которому принадлежит избираемый кроме него нет другого взрослого работника» [4.-Д.473.-Л.26-27]. Но можно предположить, что столь явное нарушение сельскими властями предписаний было результатом не злого умысла, а элементарного незнания данного сельского старосты и писаря. Ибо, когда это же Царицынокутское сельское управление отправило в волостное правление список сотских и десятских 8 декабря 1887 года, включив в список шесть крестьян в возрасте от 20 до 23 лет, то в правлении в список внесли поправки, отметив против этих фамилий: «не подлежат по недостатку 25 лет».

Вторая группа – это крестьяне в возрасте от 31 до 37 лет. Таких 9 человек. Это также были в основном те крестьяне, которые вели совместное с отцом или же с братьями хозяйство. Таким образом, из 26 десятских 22 крестьянина в возрасте от 21 до 37 лет. Следующая группа – десятские в возрасте от 41 до 45 лет. Она весьма малочисленная – 3 человека. Очевидно, малочисленность этой группы объясняется тем, что это были те крестьяне, которые вели самостоятельное хозяйство, и сыновья которых были еще недостаточно взрослые, чтобы считаться полноценными работниками в семье, или же они уже отделились от хозяйства отца. Т.е., в этом возрасте крестьянин, часто бывало, являлся единственным работником в семье. Таким образом, данная общественная повинность выполнялась в основном молодыми и в тоже время уже достаточно зрелыми крестьянами, которые жили с отцами или же с братьями, или дедами, дядями. Имеющиеся возрастные данные о сотских и десятских, избранных на следующий, 1892 год, позволяют подтвердить сделанный вывод. Здесь также было избрано 26 десятских. Из них 16 десятских в возрасте от 23 до 33 лет и 10 десятских в возрасте от 38 до 42 лет [6.-Д.4.- Л.113-113об.]. Из 26 десятских, избранных Царицынокутским сельским сходом на 1893 г., 21 десятский был в возрасте 25-37 лет и 5 десятских – возрасте 42-47 лет [6.-Д.4.-Л.191-191об.].

Интересен и такой момент в деятельности сельского схода при выборе сельских полицейских. 26 ноября 1895 г. сход, утверждая очередной список сельских полицейских, отметил, что эти «лица удовлетворяют требованиям, изложенным в вышеупомянутых статьях закона» [6.-Д.9.-Л.94-95об.]. Сход не случайно подчеркнул, что избранные удовлетворяют требованиям. Были случаи, когда полицейское управление высказывало резкое недовольство по поводу сотских и десятских. Так, 26 июня 1871 г. пристав с пометкою «очень нужное» писал Веселянскому волостному правлению, что начальник губернии, вследствие заявления некоторых уездных исправников о крайней неспособности сотских к исполнению обязанности, «возложенной на них положением 22 сентября 1870 года и инструкцией Министерства внутренних дел», разрешил исправнику теперь же предложить сельским обществам, чтобы они, «не теряя времени, избрали из среды своей, или наняли благонадежных людей, по возможности грамотных, вполне способных к исправлению сотских – вместо неспособных». Оценивая избранных сотских становой пристав отмечал, что «все сотские Веселянской волости, ныне служащие, по неграмотности, незрелости, возрасту и другим физическим причинам – не могут исполнять соответственно требованию начальства своей обязанности». Поэтому пристав предлагал волостному правлению «немедленно распорядиться о избрании, вместо неспособных других расторопных и по возможности грамотных и из таких семейств где бы были рабочие руки, заменяющие назначенных от них сотских». При этом пристав предупредил волостное правление, что «если оно не позаботится о избрании хороших сотских, то, во-первых, я донесу полицейскому управлению, а во-вторых, – всякое упущение со стороны сотских по службе, падет на ответственность членов волостного правления» [4.-Д.203.-Л.54-54об.]. Получив столь грозное предписание, Веселянское волостное правление поспешило представить приставу приговоры сельских обществ «о выбранных молодых хороших людей к исправлению должности сотских по Веселянской во-

лости» [4.-Д.203.-Л.55об.].

Претензии станowego пристава к деловым качествам избранных сотских и десятских были, надо полагать, вполне обоснованными. Неграмотность в крестьянской среде как в 70-е, так и в 90-е годы была настолько удручающей, что найти грамотных на многочисленные сельские должности было делом весьма нелегким. Так, среди избранных на 1891 год сотских и десятских в Царицынокутском обществе грамотных было два. Нельзя сказать, что сельское общество было совсем неграмотным. Но красноречивый такой факт: из 143 крестьян, которые в тот день присутствовали на сходе, грамотных было 5.

Активизация деятельности сельской полиции в Таврической губернии документально прослеживается с первых месяцев организации органов крестьянского самоуправления. 11 декабря 1861 г. пристав писал Весе-лянскому волостному правлению, что по предписанию Мелитопольского земского исправника от 22 ноября он предлагает «оному правлению внушить всем полицейским сотским и десятским оной волости чтобы они все законные требования судебных следователей выполняли в точности...» [4.-Д.2.-Л.22-22об.]. Функции сельской полиции были довольно разнообразными. Представление о них дает «Руководство для сельских старост», составленное земским начальником 2-го участка Хорольского уезда Полтавской губернии И.П.Пинкорнелли, который, излагая «узаконения и распоряжения правительства, относящихся к сельскому общественному управлению», обращает внимание и на обязанности низших чинов уездной полиции. Последнее – сотские и десятские, уездная полицейская стража и конная стража (где она была) – «суть исполнители распоряжений уездного полицейского управления и приказаний станowego пристава. Они наблюдают, каждый в местах, смотрению его порученных, за сохранением благочиния, общего спокойствия, безопасности и порядка» [7.-С.136].

Приводя извлечения из II тома свода законов Российской империи, Пинкорнелли дает весьма внушительный перечень «особенных обязанностей нижних чинов уездной полиции». Так, сотские были обязаны наблюдать, чтобы «в церквях, во время отправления богослужения», «во время крестных ходов и других священных обрядов, совершаемых вне храмов, не происходило шума или иных бесчинств» [7.-С.137]. На низших чинов уездной полиции возлагался контроль за чистотой в селениях и деревнях, «чтоб по крайней мере один раз в неделю, по субботам, улицы в селениях были выметаемы, или грязь с оных вывезена». Они также должны были поощрять «обывателей к рассадке между домами их дерев, для защиты от пожарных случаев, и к устройству по обеим сторонам улицы канав, для осушения и стока воды». Там, где вода для питья использовалась из ручьев и речек, низшие чины уездной полиции не должны были позволять поселянам «мочить в сих речках лен и коноплю, а равно и в озерах, в коих ловится рыба». Они наблюдали за тем, чтобы колодцы были с высокими срубами, а проруби были огорожены вехами. Если где-либо начинался пожар, «кто немедля, собрав жителей близлежащих селений», сотские и десятские обязаны были употребить «все меры к утешению оного заливанием водою» [7.-С.139]. Во время праздников, «при коих бывает большое собрание народа», а также «во время торгов, базаров и временных выставок, для продажи крепких напитков, сотский, с надлежащим числом десятских», наблюдали, чтобы не было ссор, драк и «другого буйства»; начинающих ссориться они должны были стараться разводить или мирить [7.-С.142]. Низшие чины уездной полиции наблюдали также, чтобы «в ведомстве их продажа испорченных жизненных припасов, дурного хлеба, гнилого мяса или рыбы, масла, овощей, фруктов и т. п. не была допускаема» [7.-С.142]. Сотские наблюдали, чтобы торгующие в лавках, на базарах или ярмарках никого не обмеривали и не обвешивали.

Входило в обязанности низших чинов уездной полиции наблюдение за нищими, «чтоб в ведомстве их нищие не шатались, испрашивая подаяния, а старые, дряхлые и вообще беспомощные отдавались на пропитание их родственникам или на призрение сельских управлений, по принадлежности» [7.-С.144]. Найдя на улице или на дороге больного человека, низшие чины уездной полиции должны были стараться «доставить ему нужное призрение в ближайших домах», а пьяных подобрать и отдать «или в другие ближайшие селения, или местным оных управлениям». Обнаружив «в поле, в лесу, или же в ином месте, мертвое тело», сотский, «осмотрев и заметив имеющиеся на оном знаки», должен был немедленно донести об этом становому приставу; «к телу же приставляет стражу из поселян, под надзором десятских, и велит его хранить в удобном и безопасном месте до приказа». В то же время он «старается узнать», кто был умерший и не подозревается ли кто в убийстве его, и об этом, по прибытии станowego пристава или судебного следователя, также донести. В случае скоропостижной или возбуждающей подозрение смерти, десятские должны были донести об этом сотскому, а тот – становому приставу, «оставляя тело под надлежащим присмотром» [7.-С.145]. Особенно пристально должны были следить десятские за эпидемической обстановкой в своем десятке, «осведомляясь о состоянии здоровья жителей», и обо всех тех случаях, когда «многие люди страдают одинаковою болезнью, или же, что оказался падеж на скоте», сообщать сотнику, а тот немедленно должен был доносить о том становому приставу. И уж само собой разумеется, что, узнав «о появлении воров, разбойников, грабителей, зажиточных, военных дезертиров или других беглых и бродяг в селениях или соседних горах и лесах», низший чин уездной полиции должен был «немедля и непременно в тот же день доносить о том своему непосредственному начальнику, стараясь между тем собрать о них вернейшие сведения, а если можно, с помощью других чинов полиции и понятых из селений, и поймать сих преступников или хотя некоторых из них».

Перечень лишь «особенных обязанностей» низших чинов уездной полиции, сотских и десятских, был весьма впечатляющим. Но кроме этих экстраординарных ситуаций у сельской полиции были еще каждодневные обязанности: разнять дерущихся, препроводить в «холодную», описать имущество. Изложенный выше материал дает представление о предполагаемых функциях сельской полиции, о том, что представляли собой сотские и десятские. Ну, а насколько эффективной была их служба? Сельские власти вообще и сельская полиция в частности, могли быть вполне действенной силой, прежде всего, в предупреждении правонарушений. Крестьянская жизнь была весьма прозрачной, в деревне практически невозможно было упрятаться. Любые изменения в жизни того или иного крестьянина, которые не укладывались в рамки логического объяснения,

любые его приобретения, которые не были результатом трудовой деятельности и не имели четкого подтверждения, были на виду у всего общества. Равно как и появление в селе неизвестного человека вызывало не только праздное любопытство, но и вполне правомерный вопрос: кто такой? О том, насколько был действенным контроль местных властей за пришлыми “чужаками”, свидетельствует донесение, отправленное 22 мая 1870 г. приставу 3-го стана Веселянским волостным правлением, в котором говорилось о том, что Царицынокутское сельское управление «рапортом от 22 мая за № 8 донесло сему правлению что 21-го числа сего же месяца взятый оным управлением неизвестный человек шаставшийся неизвестно чего по Царицыному Куте без всякого письменного вида...» [4.-Д.193.-Л.8-8об.].

Определенные результаты были у сельской полиции и в борьбе с преступностью. Так, 9 февраля 1870 г. по волостным правлениям было циркулярно разослано сообщение Мелитопольского уездного исправника о том, что “в 20 верстах от Мелитополя в Бердянском уезде разбойники напад на трактовую корчму перерезали 5 душ еврейского семейства прострелили плечо сторожу и пограбив какое было достояние, скрылись”. Но, с удовлетворением констатирует исправник, “деятельностью местных жителей некоторые из разбойников пойманы”. И далее исправник предлагает для «предупреждения несчастных случаев от зловредных людей» учредить «из обывателей ночные обходы сотские и десятские под руководством становых приставов», «чтобы они бдительно смотрели за безопасностью за людьми действиями своими вызывающие какое-нибудь подозрение». «Считаю необходимым вновь обратить внимание на несчастный случай в Бердянском уезде», завершает свое сообщение исправник и полагает, что жители Мелитопольского уезда сумеют предпринять меры «для защиты себя своих семейств и своего достояния» [4.- Д.193.-Л.3-4].

19 ноября 1870 г. уездный исправник вновь обращается к волостным правлениям Мелитопольского уезда на этот раз с сообщением о том, что “ночью с 1 на 2 сего ноября в г. Мелитополе на ярмарочной площади найден зарезанным Ореховский мещанин Афанасий Колтунов а за огородами на дороге в степи колониста Луковича ограблен мещанин Арсений Малов”. Уездный исправник вновь требует, «чтобы для предупреждения несчастных случаев от зловредных людей были учреждены из обывателей ночные обходы», «а сотские и десятские ... чтобы бдительно смотрели за безопасными и вообще людьми, действиями своими вызывающие какое нибудь подозрение”. Исправник строго предписывает сельским и волостным старшинам, сотским и десятским “обратить самое бдительное внимание” на неотложное выполнение его распоряжения “по учреждению обходов и преследованию подозрительных и беспаспортных людей”. Для этого, советует исправник, нужно “почаще посещать трактовые корчмы, хутора и другие удобные места для сокрытия злоумышленников” [4.-Д.193.-Л.28-29об.].

Полиция, как определялось в Своде законов Российской империи, “свое особое состояние имеет, а именно она споспешествует в правах и правосудии, рождает добрые порядки и нравоучения, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет... , вкратце же над всеми сими полиция есть душа гражданства о всех добрых дел и порядков и фундаментальный подбор человеческой безопасности и удобства” [8]. Кратко и емко определяет полицию словарь Даля: полиция – это «надзор за внешним порядком в общежитии» [9.-С.261]. Сельская община – это большое «общежитие», этатное «государство в государстве», со своими нравами, обычаями, законами, насколько весомыми, что с ними вполне считался законодатель, оставляя каждой общине решать часть проблем согласно установившимся в ней нормам. И сельская полиция с теми функциями, которые ей отводил законодатель, по мере возможности, «вписывала» отдельный крестьянский мирок в единый мир крестьянского правопорядка. В рассматриваемый нами период сельская полиция, хотя и имела в различных регионах страны схожие задачи, но очень отличалась и по способам ее формирования, и по размерам содержания и формам его назначения. В селениях бывших государственных крестьян сотские и десятские чаще всего занимались обществами, которые и определяли им различные размеры жалования. В иных уездах, как это было, к примеру, в Ялтинском, содержание сотских принимало на себя земство. В селениях же бывших помещичьих крестьян сотские и десятские, как правило, выбирались обществами и жалования или не имели, или же оно было весьма незначительное по своим размерам. В одних селениях сотские и десятские имели льготы, в других селениях никаких льгот им не полагалось. Разными были и сроки службы. Если в селениях бывших помещичьих крестьян сотские и десятские избирались на 1 год, то в Ялтинском уезде сотские избирались обществом на 3 года и утверждались в должности земской полицией, десятские же и занимались и увольнялись обществом «по его усмотрению». При этом, как подчеркивало одно из волостных правлений, «при выборе сотских, так и при найме десятских, полиция не принимает никакого участия» [5.-Л.18-18об.]. И хотя формально сельская полиция подчинялась полицейским чинам, но была существенным элементом в системе органов крестьянского самоуправления.

Источники и литература

1. Анфимов А.М., Зырянова П.Н. Некоторые черты эволюции крестьянской общины в пореформенный период (1861-1914 гг.) //История СССР. – 1980. – № 4; Лебедев Ю.В. Исторические судьбы крестьянской общины //Волга. – 1990. – №4]. Кучумова Л.И. Сельская община в России (вторая половина XIX в.) – М.: Знание, 1992. Силин А.В. Крестьянская община Воронежской губернии в 1861-1900 гг. – Воронеж, 1998; Бирюков А.В. Крестьянская община Самарской губернии в пореформенный период. – Самара, 1999.Вронский О.Г. Крестьянская община на рубеже XIX-XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. М., 1999.
2. Даль В. Толковый словарь в четырех томах. Том первый. – М., 1989.
3. Даль В. Толковый словарь в четырех томах. Том четвертый. – М., 1991.
4. Государственный архив Запорожской области (далее – ГАЗО). – Ф.97. – Оп.1.
5. Государственный архив автономной республики Крым. – Ф.2. – Оп.1. – Д.125.
6. ГАЗО. – Ф.95. – Оп.1.

7. Руководство для сельских старост. Собрание узаконений и распоряжений правительства, относящихся к сельскому общественному управлению. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Составил И.П.Пинкорнелли (земский начальник 2-го участка, Хорольского уезда Полтавской губернии). – Хорол, 1896. – С.136.
8. Свод законов Российской империи. Часть II. Учреждения губернские. Санкт-Петербург, 1842, с.3 Цит. по: Зинуров Р.Н. Органы уголовной юстиции царской России и их взаимодействие в дореформенный период (1722-1864). //История государства и права. – 2003. – №2. – С.9.
9. Даль В. Толковый словарь в четырех томах. Том третий. – М., 1990.

Попов А.Д. СТАЛИНСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ В ДЕЙСТВИИ: К ВОПРОСУ О СТИЛЕ И МЕТОДАХ РУКОВОДСТВА КРЫМСКИМ ТУРИЗМОМ В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Актуальность и степень научной разработки темы. История менеджмента, а тем более история менеджмента туризма, до сих пор остается малоизученной темой. Однако исследования в данном направлении, как нам представляется, имеют большой научный и практический интерес. Ведь история, по сути дела, есть бесконечная череда успехов и промахов руководителей разного уровня, имевших те или иные последствия. Между тем, до сих пор не существует ни одной работы отечественного или зарубежного исследователя, которая была бы специально посвящена особенностям управления отечественным туризмом в довоенный период.

Цель исследования – охарактеризовать стиль и методы руководства туризмом в Крымской АССР на примере Всесоюзного добровольного общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ), на которое в 1930-1936 гг. было возложено руководство советским туризмом. Достижение поставленной цели обуславливает постановку следующих задач исследования: определить роль планирования в развитии пролетарского туризма; проследить процедуру принятия управленческих решений в туристской сфере, а также организацию контроля их исполнения; выявить основные способы мотивации, использовавшиеся в рассматриваемый период по отношению к работникам туристско-экскурсионной отрасли.

ОПТЭ было создано постановлением СНК СССР от 8 марта 1930 г. и являлось централизованным органом управления туристско-экскурсионным движением общесоюзного уровня. При этом ему искусственно была придана форма самоуправляемой общественной организации, объединяющей всех желающих на основе добровольного членства [1].

Организационная структура ОПТЭ была такова: 1) Оргбюро (позже – Центральный совет) в г. Москве; 2) Республиканские, краевые и областные советы; 3) Районные и городские советы; 4) Ячейки пролетарских туристов на промышленных предприятиях, в колхозах, совхозах, советских учреждениях и учебных заведениях. Советы ОПТЭ избирались на конференциях и съездах пролетарских туристов республиканского, краевого, областного, городского и районного уровня [2, с. 10].

Руководство работой ОПТЭ в первый период его существования было возложено на Оргбюро, в состав которого вошли генеральный прокурор РСФСР Николай Крыленко, председатель Малого Совнаркома СССР Владимир Антонов-Саратовский и секретарь ЦК ВЛКСМ Лев Гурвич. Первый Всесоюзный съезд пролетарских туристов, состоявшийся 3-7 апреля 1932 г., избрала новый руководящий орган Общества – Центральный совет (ЦС ОПТЭ) [3, с. 111].

Крымское оргбюро ОПТЭ было создано весной 1930 г. Через год состоялся Первый Всекрымский съезд ОПТЭ. Его участники утвердили состав нового руководящего органа – Крымского областного совета ОПТЭ, а также определили основные задачи, стоявшие перед Крымской организацией ОПТЭ:

1. Объявить беспощадную борьбу аполитичности и делячеству во всей системе ОПТЭ.
2. Максимально развернуть сеть ячеек ОПТЭ на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах.
3. Перейти на круглогодичное обслуживание трудящихся путешествиями и экскурсиями, окончательно ликвидировав сезонность в работе.
4. Повысить оборонное значение туризма и уделять особое внимание работе в частях Красной Армии.
5. Провести «чистку» аппарата ОПТЭ с целью выявления классово-чуждых элементов.
6. Пополнить аппарат Крымской организации ОПТЭ рабочими-выдвиженцами и представителями крымскотатарской национальности [4, с. 12-14].

Таким образом, по формальным признакам руководство ОПТЭ должно было осуществляться на демократических началах. Об этом свидетельствует выборность руководителей всех уровней, видимая коллегиальность принятия решений ячейками, городскими, районными и областными советами Общества, декларативное поощрение «инициативы снизу». Однако анализ принятия и исполнения конкретных управленческих решений показывает, что в действительности руководство пролетарским туристским движением осуществлялось авторитарными методами. При этом своеобразная «формула» сталинского менеджмента в туризме включала следующие элементы: директивное планирование + централизованная организация + моральные способы мотивации + жесткий контроль исполнения.

Директивное планирование. В практической работе ОПТЭ «контрольные цифры», устанавливавшие плановые показатели по самым различным аспектам развития туризма за месяц, квартал, полугодие, год, «спускались сверху» и лежали безоговорочному исполнению, но не обсуждению. Одной из важнейших задач своего планирования руководители советского туризма считали достижение как можно более равномерного распределения туристских потоков по всей территории страны. ЦС ОПТЭ пытался добиться расширения географии своих туристских путешествий путем создания новых плановых маршрутов на Алтай, в Западную Сибирь, Заполярье, Среднюю Азию. Но среди пролетарских туристов гораздо большей популярностью пользовались путешествия в Крым и на Кавказ. В связи с этим, в 1931 г. ответственные работники ОПТЭ публич-